

В прошлой жизни дядя Дай, уже в преклонном возрасте, также внезапно потерял сознание, и этот старик, который любил его как родного внука, больше не проснулся...

Я ошибся, я действительно ошибся. Дядя Дай, очнись, пожалуйста, не пугай своего молодого господина.

Мужун Цзю сжал кулаки, его челюсть непроизвольно дрожала.

Почему скорая ещё не приехала? Сколько времени уже прошло? Если что-то случится... Нет... Не может быть! Дядя Дай, ты сильный, с тобой всё будет в порядке. Мужун Цзю, успокойся, вспомни, что ты знаешь о первой помощи. Да, не паникуй, скоро его отвезут в больницу...

Время, казалось, тянулось бесконечно. От момента, когда врачи погрузили дядю Дая в машину скорой помощи, до того, как Мужун Цзю и матушка Жун начали ждать у дверей операционной, прошла целая вечность.

— Господи, сегодня мы предстаём перед Тобой как Твои дети, склоняя колени, ибо мы знаем, что Ты — наш любящий Отец. Ещё до того, как мы открыли уста, чтобы молиться, Ты уже ответил на наши молитвы. Господи, сегодня мы молимся за верного слугу Твоего, брата Дая. Ты знаешь его болезнь. Мы просим Твоего исцеления для него. Пусть Твоя сила снизойдёт на него...

Матушка Жун, плотно закрыв глаза, сидела на стуле в белом коридоре, сложив руки на груди, и непрерывно шептала молитву.

Мужун Цзю, запустив пальцы в растрёпанные волосы, сидел рядом, сгорбившись. Кроме лёгкого движения пальцев, он не шевелился, словно окаменевшая статуя.

— ...Пусть всемогущий Отец защитит нашего сына Мужун Цзю, успокоит его испуганное сердце, умиротворит его тревожный дух. Во имя Господа нашего Иисуса Христа, аминь.

Мужун Цзю внезапно встал и начал нервно ходить по коридору, время от времени бросая взгляд на закрытые двери операционной и яркую надпись «Идёт операция».

— Молодой господин, не волнуйтесь... — закончив молитву, матушка Жун опустила руки и, с беспокойством на лице, утешила его. — Господь слышит молитвы... И старик всегда был крепким...

— Матушка Жун, простите меня. — Мужун Цзю остановился перед ней и глубоко поклонился, его голос был полон горечи. — Я был слишком импульсивен, не следовало говорить дяде Даю обо всём этом.

Увидев, как серьёзно он извиняется, матушка Жун поспешно встала и замахала руками:

— Ой, это не ваша вина, молодой господин, не нужно так извиняться. Если кто и виноват, то...

В этот момент двери операционной открылись, и вышел врач в белом халате и синей маске. Снимая перчатки, он посмотрел на них и спросил:

— Кто здесь родственник пациента?

— Мы оба! — Мужун Цзю быстро подошёл к нему и торопливо спросил:

— Как дядя Дай?

— Операция прошла успешно, состояние пациента стабильно, — врач слегка прищурился, словно улыбаясь под маской, и протянул папку с документами. — Вот отчёт, подпишите, пожалуйста.

Слава Богу!

Услышав это, Мужун Цзю, наконец, расслабился. Он даже сжал руку матушки Жун, дрожащим голосом произнеся:

— Матушка Жун, дядя Дай в порядке! Дядя Дай в порядке!!

— Всё хорошо, всё хорошо... Слава всемогущему Отцу...

Матушка Жун, бормоча молитвы, сжимала руку Мужун Цзю, слёзы радости текли по её лицу.

— Добрый вечер, господин президент.

— Добрый вечер, господин президент.

Шао Цихань, с холодным выражением лица, прошёл мимо толпы почтительно кланяющихся подчинённых. Их взгляды, полные восхищения или лести, не вызывали у него никаких эмоций. Он вышел через вращающуюся дверь и остановился у входа, как статуя.

Близилось время окончания рабочего дня, и сотрудники, поодиночке или группами, выходили из здания. Увидев своего начальника, они тут же сдерживали улыбки и поспешно уходили, недоумевая, что заставило Шао Циханя стоять здесь.

Шао Цихань не поехал домой на машине, а стоял здесь, потому что ждал кого-то.

В этом мире было не больше пяти человек, ради которых он мог бы стоять на публике, и его старший брат, Шао Цичжай, занимал одно из этих мест.

В последнее время настроение Шао Циханя было далеко не лучшим, и частично это было связано с его другом. В тот день он, Мужун Цзю и Чу Сюй разошлись, мягко говоря, не в лучших отношениях. На самом деле, это было больше похоже на ссору, полную ненависти, особенно между Мужун Цзю и Чу Сюем.

Шао Цихань хорошо понимал природу их отношений. Он помнил, как в старшей школе Чу Сюй постоянно провоцировал Мужун Цзю, а тот, в свою очередь, не мог терпеть и отвечал. Он даже пытался их примирить, но безрезультатно. Их вражда была слишком глубокой.

Он надеялся, что с годами всё уляжется, и они смогут хотя бы спокойно разговаривать. Однако несколько слов — и они уже готовы были драться.

Хотя Мужун Цзю первым начал, Шао Цихань всё равно был на стороне своего друга — его сердце всегда было склонно к нему. К тому же, Чу Сюй первым начал подкалывать.

Шао Цихань предполагал, что настроение друга будет не самым лучшим, и его собственное состояние тоже оставляло желать лучшего. Однако значительная часть его плохого настроения была связана с его номинальным старшим братом, фактически незнакомцем — Шао Цичжаем.

С того дня, как Мужун Цзю посетил дом Шао и Шао Цичжай неожиданно появился, Шао Цихань с удивлением и раздражением заметил, что отношение брата к нему резко изменилось. Он не только вернулся в дом Шао, чтобы жить под одной крышей, но и начал активно «заботиться» о нём, интересуясь как делами компании, так и личной жизнью, и даже пытаясь давать советы, якобы делясь опытом.

Шао Цихань не мог понять, что заставило Шао Цичжя так внезапно захотеть сблизиться. Чтобы укрепить братские узы? Ха, он скорее поверил бы, что брат хочет усилить контроль над ним, чтобы лучше управлять семьёй Шао.

Даже если Шао Цичжай внезапно захотел сблизиться с братом, их отчуждение не возникло за один день, и преодолеть его тоже не получится мгновенно. К тому же, Шао Цихань не испытывал к этому никакого интереса.

Шао Цихань привык к свободе, и внезапное заключение в клетку, пусть и под видом семейной заботы, вызывало у него только раздражение. И эта клетка не только пыталась удержать его, но и придумывала способы его укротить.

Сегодня Шао Цичжай снова нашёл причину привязать Шао Циханя к себе, и эта причина была настолько весомой, что он не мог отказаться. Поэтому Шао Цихань, с мрачным выражением лица, стоял у входа в свою компанию, отпугивая сотрудников своим видом.